

«Дача имён»

Полу-фантастический
мини-сериал

Вера Гусева

Дача имён

Вера Гусева

Пролог. Сны Веры

Вера проснулась ровно в шесть утра, как всегда. Полгода — ни одной минуты отклонения. Будильник ей был не нужен, но она оставляла его на тумбочке из вежливости перед обычным миром, который просыпается позже.

Она лежала с открытыми глазами и перебирала в голове только что ушедший сон. Подвал. Банки. Женщина в сером жакете, которая плачет и говорит: «Назовите его хотя бы червяком. Мне легче станет». И тихий голос Марины — хозяйки фирмы, которая в этом сне была такой живой, что Вера почти поверила в её существование.

Она села на кровати. За окном строили новую ветку метро — стучали сваи, ругались рабочие. Вера закрыла глаза на секунду и снова увидела банку. На этикетке было выведено шариковой ручкой: «Вадим».

Вадима она знала. Вадим был пациентом. Тот самый, который приходил с лицевой болью, а оказалось — не мог простить отцу, что тот назвал его не тем именем. Но сон был не о Вадиме. Сон был о другой женщине, незнакомой. И всё же Вера чувствовала: каждая деталь сна взята не из воздуха. Она словно подключалась к чужой боли, как к разбитому радиоприёмнику, и слышала только шипение и обрывки фраз.

— Ты опять не спала? — спросила мать, заглядывая в комнату. Она всегда путала: летаргия — это не бессонница. Вера спала, и даже слишком много. Просто её сны были плотнее, чем чужая жизнь.

— Спала, мама. Всё нормально.

Мать покачала головой и ушла на кухню готовить компресс. Она до сих пор лечила Веру так, как будто авария случилась вчера.

Авария случилась 14 ноября, в шесть вечера, на 743-м километре трассы М-4 «Дон». Вера возвращалась из областного центра, где принимала пациентку с истерической афазией — женщина десять лет не могла произнести имя собственного насильника. И в тот день, в пластиковом кресле перед Верой, она вдруг выдохнула:

— Лёня.

И потеряла сознание. Вера вызвала скорую, села в машину, отъехала два километра. Дальше — удар. Фура, выехавшая на встречную. Мгновенная темнота.

В больнице сказали: сотрясение, перелом трёх рёбер, микроразрыв селезёнки. Ничего фатального. Но через неделю, когда Веру выписали, обнаружилось странное. Ровно в одиннадцать вечера её тело выключалось, как свет в коммуналке после аварии. Никаких сновидений поначалу — просто провал. А потом провал заполнился картинками. Связными, подробными, цветными. Снами, которые длились ровно семь часов и обрывались в шесть утра.

Она попробовала не ложиться. Села с книгой, выпила кофе. В 23:00 её голова упала на стол, и она проспала до шести, не шелохнувшись. Кофе засох коричневой лужицей.

Врачи разводили руками. Невролог (она сама) предложил гипотезу: посттравматическая генерализованная гипноидия с гипермнезией сновидений. На человеческом языке: мозг научился лечить себя сам, упаковывая невыплаканное в метафоры.

Первые сны были страшными. Она тонула в бетонной плите. Её преследовал безликий мужчина с именем Лёня на лбу. Она открывала рот, а оттуда выползали мучные черви — белые, жирные, шевелящиеся. И однажды во сне Вера сказала себе: «Это не черви. Это имена».

Она проснулась и записала слово: «Фирма».

Через две недели сон обрёл постоянную декорацию. Подвал старого дома недалеко от метро «Аэропорт» — Вера узнала это место по фотографиям? Никогда там не была. Но во сне она спускалась по скрипучей лестнице, толкала дверь с табличкой «Дача имён» и видела стеллажи с пластиковыми контейнерами. В каждом контейнере — червяк. На каждом контейнере — этикетка с именем.

«Андрей», «Светлана», «Максим», «Алина».

Женщина, которую звали Марина, сидела за деревянным столом и пила чай из гранёного стакана. Она была похожа на тётушку Веры — Галину Петровну, которая умерла от рака желудка, но в детстве всегда говорила:

— Не держи зло в себе, дочка. Отдай его червям. Им всё равно, а тебе легче.

Вера никогда не понимала этих слов. Теперь она видела их во плоти.

— Вы новенькая? — спросила Марина во сне. — Садитесь. Рассказывайте, кого назовём.

Вера хотела ответить, но проснулась.

Следующие сны были как эпизоды сериала. Вера видела клиентов фирмы. Они приходили разные — женщины в дорогих пальто и девушки в растянутых свитерах, мужчины с поникшими плечами и однажды целая семья, которая хотела назвать червяком учительницу физкультуры, мучившую всю начальную школу. Вера не вмешивалась. Она была невидимым наблюдателем, как оператор скрытой камеры.

Марина разговаривала с каждым. Задавала странные вопросы:

— Вы уверены, что хотите оставить червя здесь? Забрать нельзя. Это правило.

Клиенты кивали. Они платили деньги — Вера не видела сколько, но чувствовала, что умеренно. И получали сертификат с печатью и подписью: «Вы официально стали владельцем мучного червя [имя]. Ваш питомец пожизненно застрахован. Питание и уход включены».

Потом клиенты уходили. А черви оставались в подвале. Марина кормила их овсяными

хлопьями и морковью, вела журнал, протирала банки от конденсата. Иногда к ней приходил трёхглазый сиамский кот по кличке Фрейд — Вера видела его только в снах и ни разу в реальной жизни. Фрейд садился рядом с банкой, смотрел на неё немигающим средним глазом и уходил.

Однажды Вере приснилось, что Марина разговаривает с котом.

— Этот червяк, — сказала Марина, кивнув на банку с надписью «Сергей». — Он уже три месяца тут. А хозяйка не приходит. Знаешь, что это значит?

Кот моргнул.

— Она простила. Или забыла. Но червяк остался. И теперь он будет жить вечно, потому что я не убиваю червей. Это тоже правило.

Вера проснулась и долго смотрела в потолок. Сергей — так звали её бывшего мужа. Того, кто ушёл к своей бывшей сокурснице — аспирантке с кафедры нейрохирургии, когда Вера лежала в больнице после аварии, где он её и встретил снова. «Ты всё равно спишь постоянно», — сказал он тогда по телефону. И повесил трубку.

Она не называла червя его именем во сне. По крайней мере, пока. Но Фрейд смотрел именно на ту банку.

Лечащий врач — психиатр Наталья Аркадьевна — узнала о снах на третьем месяце.

— Вы их записываете? — спросила она на приёме.

Вера молча выложила на стол три толстых тетради в клетку.

Наталья Аркадьевна читала два часа, иногда поднимала брови, иногда улыбалась, а один раз попросила стакан воды. Потом сказала:

— Это не медицинский случай. Это литература.

— Я не писатель, — ответила Вера. — Я невролог.

— А теперь вы и то, и другое. Слушайте, у меня есть знакомый издатель. Он ищет что-то необычное. И заметьте: врачи говорят, что ваши сны прекратятся, когда вы решите свою главную обиду. Но никто не знает, сколько на это уйдёт времени. Год? Десять лет? Пока вы спите, вы пишете. Дайте мне одну тетрадь на копию.

Вера отдала. Через месяц ей позвонили из маленького издательства «Текст в темноте» и предложили публикацию под псевдонимом. Вера выбрала «Спящая».

Так цикл «Дача имён» начал свою жизнь вне её головы.

Каждую ночь Вера видит новую новеллу. Иногда смешную, иногда страшную, иногда такую тихую, что утром она плачет в подушку, сама не зная почему. Она не управляет снами. Она только записывает.

И каждое утро она смотрит на банку, которую купила в хозяйственном магазине. Банка пуста. Вера не знает, чьё имя напишет на ней. Может быть, «Лёня» — насильник её пациентки. Может быть, «Сергей». А может быть, своё собственное.

Врачи сказали: «Вы проснётесь окончательно, когда в последнем сне найдёте имя для себя».

Пока Вера спит. И видит. И пишет.

Так начинаются новеллы цикла «Дача имён». Каждая из них — один сон. Каждый сон — шаг по тёмному коридору, в конце которого, возможно, есть дверь.

Сны Веры. Часть первая

Банка для Лёни

Вере приснилось, что она снова в подвале. Тот же запах — опилки, старые стены, сладковатый от овсяных хлопьев. И ещё что-то новое: пахло мокрой шерстью. Фрейд, видимо, только что вернулся с прогулки по снам. Он сидел на подоконнике, вылизывал лапу и делал вид, что не замечает никого.

Марина сидела за столом, пила чай из гранёного стакана. На дне стакана плавали размокшие крошки печенья. Вера заметила, что подстаканник — с потускневшим позолоченным вензелем — держался на честном слове и одной заклёпке. Марина неспешно вращала стакан в ладонях, грела пальцы.

— Заходите, — сказала Марина, не поднимая головы.

Вера села на стул у стены, как всегда, наблюдателем. Но сегодня она чувствовала себя иначе: будто невидимая ниточка тянулась от неё к каждой банке на стеллажах. Она насчитала четырнадцать контейнеров. На некоторых этикетки пожелтели, у одного уголок отклеился — видно, червяк жил здесь давно, а хозяин перестал приходить.

Дверь скрипнула. Вошла женщина лет пятидесяти, в тёмно-синем плаще, с авоськой. Вера сразу заметила: из авоськи торчала не только буханка хлеба, но и пучок укропа — корни ещё влажные, значит, женщина только что с рынка. Плащ на плечах выцвел, но пуговицы крепко пришиты — разными нитками: белой и серой, видно, отрывались в разное время.

— Мне сказали, вы даёте имена, — сказала женщина тихо. В голосе не было надежды, только усталость, какая бывает у людей, которые давно перестали ждать чуда и пришли на всякий случай.

— Даём, — ответила Марина. — Присаживайтесь. Чай будете?

— Спасибо, не надо. Я по делу.

Она села напротив Марины, положила авоську на пол. Пальцы у неё были красные, с обкусанными ногтями — Вера знала: так бывает у медсестёр, которые много моют руки перед процедурами. Женщина положила ладони на колени, но они тут же начали дрожать мелкой дрожью, как осенние листья на ещё не окрепшей ветке.

— Как вас зовут? — спросила Марина.

— Нина.

— Рассказывайте, Нина. Кого хотите назвать?

Нина помолчала. В подвале было слышно, как Фрейд жуёт сухой корм — хруст на весь подвал.

— Лёню, — сказала Нина. — Бывшего мужа.

Марина достала из ящика стола чистый бланк сертификата. Бланк был мятый — видимо, лежал в ящике среди старых квитанций. Марина разгладила его ладонью, потом провела ребром ладони — хрустнуло. Вера заметила, что на руке у Марины нет колец. Только тонкий шрам от ожога на указательном пальце.

— Расскажите подробнее. Зачем вам это?

— А надо? — Нина подняла глаза. Глаза светлые, выцветшие, как старые джинсы. — Я заплачу. Сколько скажете.

— Надо, — мягко сказала Марина. — Не для бумаг. Для меня. Чтобы правильно червяка подобрать. Они тоже разные бывают.

Нина усмехнулась — горько, одним углом рта. Вера увидела, как на шее у Нины дёрнулась жилка.

— Разные, говорите. Ну хорошо. Жили мы с Лёней двадцать лет. Дочку вырастили. Он работал на заводе, я в поликлинике медсестрой. Обычная жизнь. А потом он ушёл к своей, как она себя называла, «девушке». Моложе меня на пятнадцать лет. Я, говорит, любви не знал. А со мной — как с сестрой.

Нина замолчала. Глядела в стакан Марины, где на дне уже осела заварка. Вера подумала: сейчас она заплачет. Но Нина не заплакала. Она сцепила пальцы в замок так сильно, что побелели костяшки.

— И что? — спросила Марина.

— И ничего. Развелись. Он женился, я одна. Дочка выросла, уехала в Питер. А я всё хожу и думаю. Ночью не сплю. Представляю, как он там, с этой... смеётся. Жизнь, говорит, наконец-то началась.

— Вы хотите ему отомстить? — спросила Марина.

Нина долго молчала. Вера видела, как по её щеке скатилась слеза — одна, и она её быстрым движением стёрла тыльной стороной ладони. У этой руки был странный запах: хозяйственное мыло и капуста. Наверное, шинковала салат перед выходом.

— Нет, — сказала Нина. — Не отомстить. Я хочу перестать о нём думать. Каждый день, каждую ночь — Лёня, Лёня, Лёня. Где он, с кем, почему не со мной. Я устала.

Марина встала, подошла к стеллажу, взяла пустой пластиковый контейнер. Вернулась, поставила на стол перед Ниной. Контейнер был новый, но на доньшке прилип кусочек старой этикетки — видно, отклеили не до конца.

— Смотрите, — сказала Марина. — Это будет его дом. Мы насыплем опилки, положим овсяных хлопьев. Здесь он будет жить. Вы будете приходить, когда захотите. Кормить его, смотреть на него, разговаривать с ним. Но забрать домой нельзя. Понимаете?

Нина кивнула.

— Почему нельзя?

— Потому что дома должна быть ваша жизнь, — сказала Марина. — А здесь — память о боли. Если вы принесёте боль в дом, она займёт всё место. Останется здесь — будете приходить, когда сами решите. Контролировать. А не жить с ней под одним одеялом.

Нина посмотрела на пустой контейнер, потом на банки на стеллажах — с именами Андрей, Светлана, Сергей, Максим. Вера проследила её взгляд. Банка «Сергей» стояла в дальнем углу, на нижней полке. На этикетке чья-то неаккуратная надпись — буквы сползли вниз, как будто рука дрожала.

— А они приходят? — спросила Нина. — Хозяева этих червей?

— Кто-то приходит часто. Кто-то раз в месяц. Кто-то перестаёт приходить совсем, и тогда червяк живёт здесь один, и его кормлю уже я. Это значит, что человек простил. Или забыл. И то, и другое — хорошо.

— А если я не смогу простить?

Марина улыбнулась — не насмешливо, скорее грустно. Улыбка у неё была редкая: она пряталась в левом уголке губ, как будто стеснялась.

— Тогда вы будете приходить каждый день. Кормить Лёню. Смотреть, как он ест, как шевелится. И однажды вы заметите, что он просто червяк. Маленький, глупый, который ничего не решает в вашей жизни. И в этот день вы перестанете приходить. Сами.

Нина долго сидела, не двигаясь. Вера услышала, как за стеной подвала кто-то включил стиральную машину — глухой ритмичный гул. Потом Нина спросила:

— А можно я назову его не Лёней? Полным именем? Леонидом.

— Можно.

— И фамилию можно?

— Не нужно, — мягко сказала Марина. — Фамилия — это уже слишком личное. Имя достаточно.

Нина кивнула. Вера заметила, как её пальцы перестали дрожать. Только левая нога — невидимая под столом — ещё выбивала дробь. Нина смотрела на пустой контейнер, и на лице её проступало что-то новое — не облегчение ещё, а только его обещание, такое же хрупкое, как старая заклёпка на подстаканнике.

— Сколько? — спросила Нина.

Марина назвала сумму — небольшую. Нина достала из авоськи кошелёк. Кошелёк был потёртый, кожаный, с застёжкой-кнопкой, которая давно не защёлкивалась. Нина отсчитала купюры — тщательно, даже мятые расправила — и положила на стол.

— Когда можно прийти в первый раз?

— Завтра. Червю нужно время, чтобы привыкнуть к новому имени. Приходите завтра в это же время. Я покажу, как его кормить.

Нина встала, взяла авоську. Хлебный бок прижался к её бедру. Укроп качнулся и замер. Нина посмотрела на Веру — та вздрогнула, потому что обычно во сне её никто не замечал. Нина сказала:

— А вы кто? Тоже клиентка?

Вера не знала, что ответить. Она почувствовала, как у неё самой задрожали пальцы — от неожиданности, от того, что Нина её увидела. За Веру ответила Марина:

— Она наблюдатель. Иногда приходит, просто смотрит. Это разрешено.

Нина кивнула, будто ничего странного в этом не нашла. Поправила плащ, вышла. Дверь за ней закрылась, и сразу стало слышно, как стиральная машина перешла на отжим.

Марина взяла пустой контейнер. Насыпала опилок — горсть, потом ещё одну, потом третью, пока на дне не образовалась мягкая подушка. Добавила щепотку овсяных хлопьев — серовато-жёлтых, с мелкими комочками. Вера заметила, что Марина делает это без пинцета, голыми руками. Пальцы у неё были длинные, с коротко стриженными ногтями, без лака. На среднем пальце — та самая тёмная полоска старого ожога.

Марина подошла к стеллажу, где в большой коробке копошились мучные черви. Коробка была старая, из-под обуви, с дырочками, проколотыми шилом. Вера каждый раз удивлялась, как много их там — сотни, белые, жирные, переплетённые в живой клубок. Марина долго выбирала. Отодвигала одного, брала другого, подносила к свету. Наконец остановилась на червяке средней величины, гладком, неторопливом. Пинцетом (теперь пинцетом) перенесла его в контейнер. Червь медленно распрямился и начал зарываться в опилки.

Марина закрыла крышку. Написала на этикетке шариковой ручкой: «Леонид». Ручка писала с нажимом — буквы утопали в клейкой бумаге. Она поставила контейнер на свободное место между «Андреем» и «Светланой». Поправила этикетку ровно — так, чтобы имя смотрело в зал.

Фрейд открыл средний глаз, посмотрел на банку. Посмотрел долго, как смотрят на нового соседа, оценивая, не займёт ли он лучшее место на солнце. Потом зевнул — широко, с розовым нёбом — и снова закрыл все три глаза.

Вера сидела и смотрела на банку «Леонид». Ей казалось, что она чувствует, как червяк внутри шевелится — не физически, а где-то на грани сна и яви. И вдруг она поняла: Нина придёт завтра. Нина будет сидеть на этом стуле, принесёт с собой запах капусты и хозяйственного мыла. Будет смотреть на червяка и понемногу перестанет бояться. Не сразу. Не за один день. Но начнёт.

Вера проснулась.

Было ровно шесть утра. За окном всё так же стучали сваи. Она села на кровати, взяла тетрадь и записала сон от начала до конца. На последней строчке подумала: «Нина придёт завтра. Надо не забыть».

Но это было во сне. Наяву Нины не существовало. Или существовала, но где-то там, в городе,

на рынке у метро, покупала укроп по той же цене, что и всегда, и не знала, что сегодня ночью её обида переехала в пластиковый контейнер в подвале несуществующей фирмы.

Вера закрыла тетрадь. На кухне мать что-то готовила. Однако, запах капусты не преследовал её — это был только сон. Но странное тепло в груди осталось.

«Может, это и есть лечение», — подумала Вера.

Она посмотрела на пустую банку на полке. Четыре штуки. Сегодня они казались ей менее пустыми, чем вчера.

Сертификат для Олечки

В тот вечер (во сне, разумеется, потому что наяву Вера уже перестала путать подвал с реальностью) клиентка оказалась не из тех, кто плачет в авоську. Она вплыла в дверь, как фрегат под всеми парусами: норковая шубка (январь, всего минус пять, но кто считает?), волосы уложены в бетонное каре, ногти — когти, сумочка — оттуда, где названия произносят шёпотом, чтобы не оглохнуть от цены.

— Здравствуйте, — сказала она голосом, которым произносят «вы кто вообще такие, чтобы я с вами разговаривала?». — Это что за заведение?

Марина не моргнула глазом. Она допила чай, поставила стакан на блюдце, промокнула губы салфеткой.

— Фирма «Дача имён». Присаживайтесь.

Клиентка посмотрела на стул. Обычный стул, не пластмассовый, но и не бархатный. Она села так, будто стул должен был рассыпаться в благодарность, но стул выдержал.

— Мне сказали, вы тут червей называете именами. Это правда?

— Правда.

— Фу, — сказала клиентка, но не ушла. Вера заметила, как её глаза — маленькие, быстрые, крысиные — уже шарили по стеллажам, читали этикетки. «Андрей», «Светлана», «Леонид» (этот контейнер был новеньким, с ещё не обсохшим клеем). — И много дураков нашлось?

— Достаточно, — сказала Марина. — Вы будете заказывать услугу или просто хотите оскорбить моих клиентов?

Клиентка на секунду опешила. Видимо, не привыкла к такому обращению. Вера внутренне улыбнулась: Марина была неуязвима. С ней никто не мог справиться ни деньгами, ни наглостью, ни даже слезами. Марина была как тот самый трёхглазый кот Фрейд — смотрела прямо, и делалось не по себе.

— Ладно, — клиентка щёлкнула замком сумочки, достала айфон в золотистом чехле, положила на стол. — Меня зовут Лена. Я хочу назвать червяка Олечкой.

Марина достала бланк.

— Кто такая Олечка?

— Подруга. Бывшая. Ну как подруга — мы вместе в институте учились, потом вместе в «Глорию» устроились, такие были подруги, водой не разлить. А она взяла и увела у меня Филиппа.

— Филиппа?

— Мужа моего. Ну, теперь уже бывшего. А тогда — мужа. Всё честно было: я познакомила, они встретились, и понеслось. Я, говорит, Леночка, прости, это судьба. Какая судьба, если я её к себе в гости привела? Значит, я сама себе судьбу и организовала?

Лена говорила быстро, отрывисто, как пулемёт. Вера слушала и думала: обида у неё не меньше, чем у Нины из прошлой новеллы. Только Нина сжималась, а Лена раздувалась. Нина плакала, Лена стреляла словами.

— И что теперь? — спросила Марина.

— А теперь они живут в моей квартире. Нет, официально она моя, я её купила ещё до Филиппа, но он там прописан, и её прописал, и суд не может их выселить, потому что у них якобы «совместный быт». А у меня аллергия на кошек, и они завели кошку! Персидскую! Назвали Милашка! Я не могу туда вернуться, потому что от Милашки у меня глаза слипаются. Понимаете?

Марина понимала. Вера тоже. Фрейд открыл средний глаз, посмотрел на Лену, закрыл — кошки ему не мешали.

— Так вы хотите назвать Олечку червяком?

— Да. Пожалуйста. самого жирного, какого найдёте. Пусть лежит в своей банке и подыхает медленно.

— Черви не подыхают медленно, — сказала Марина спокойно. — Они живут в среднем три-четыре месяца при хорошем уходе. Если не кормить — быстрее. Но мы не практикуем голодовки.

— А что вы практикуете?

— Кормление. Клиент приходит, кормит червя, смотрит на него, думает о том, кто носит это имя. И постепенно отпускает.

Лена расхохоталась. Смех был громкий, пустой, как звук от падения ведра в колодец.

— Вы серьёзно? Я должна приезжать в этот ваш подвал, кормить какого-то червя, которого я назвала Олечкой, и думать о том, как она спит с моим мужем в моей квартире?

— Вы должны делать то, что поможет вам перестать думать о ней каждую секунду, — сказала Марина. — Или продолжайте не спать по ночам. Ваш выбор.

Лена замолчала. Пальцы её — с когтями, в золотых кольцах — барабанили по айфону. Вера вдруг заметила, что на одном из колец, с крупным рубином, болтается маленький брелок — плюшевый мишка, совершенно неуместный рядом с этой хищницей. Деталь, которая делала Лену чуть более живой.

— А если я назову её, но не буду приходить? — спросила Лена уже тише.

— Червь будет жить здесь, под моим присмотром. Вы будете платить за содержание. Но тогда эффекта не будет.

— Какого эффекта?

— Исцеления, — сказала Марина.

— А если я хочу не исцеления, а просто злости? Хочу знать, что где-то в банке ползает тварь по имени Олечка, и всё.

Марина посмотрела на неё долгим взглядом. Потом встала, подошла к стеллажу, выбрала контейнер — самый маленький, с одним червяком-лилипудом, который едва шевелился.

— Вот, — сказала Марина, ставя контейнер перед Леной. — Самый мелкий. Самый ничтожный. Хотите злости? Получите. Но это не злость, это жалость. Смотреть на него и думать: «И это ты, Олечка? Вот такая маленькая?» И в какой-то момент вы поймёте, что она никогда не была большой. Она всегда была такой. Просто вы боялись это увидеть.

Лена смотрела на червяка. Тот лежал на опилках, почти не дышал. Вера видела, как лицо клиентки медленно меняется — гримаса злости сползает, обнажая под собой что-то другое. Усталость. И ещё — что-то похожее на стыд. Плюшевый мишка на брелке качнулся.

— Забирайте деньги, — сказала Лена, высыпая на стол пачку купюр. — Пишите: «Олечка». Только фамилию не надо.

— Не надо, — согласилась Марина.

Она взяла пинцет, перенесла маленького червяка в новый контейнер, насыпала опилок, написала на этикетке: «Олечка». Поставила на стеллаж между «Максимом» и пустым местом — там пока никто не жил.

Лена встала, поправила шубку, взяла сумочку. И вдруг посмотрела на Веру. Не мельком, как Нина, а в упор.

— Вы тут всё время сидите, — сказала Лена. — То в прошлый раз были, то сейчас. Вы кто — хозяйка? Нет, хозяйка вон та, с котом. Тогда кто?

Вера растерялась. Она открыла рот, но Марина опередила:

— Она ведёт хронику. Записывает истории. Без неё никто бы не узнал о нашей фирме.

— Хронику? — переспросила Лена. — Ну и что вы про меня запишете? Что я злая, богатая дура, которая платит за червяка вместо того, чтобы нанять адвоката?

Вера неожиданно для себя ответила:

— Нет. Я запишу, что у вас на брелке висит плюшевый мишка. И что вы, когда смотрели на маленького червяка, перестали злиться. На секунду.

Лена замерла. Потом посмотрела на свой брелок — будто впервые его увидела. Улыбнулась — не той дежурной, рекламной улыбкой, а настоящей, кривоватой.

— Мишку дочка подарила, — сказала она. — Когда маленькая была. Теперь она с ними живёт, с Олечкой и Филиппом. Не хочет со мной. Говорит, ты, мама, слишком злая.

Повисла тишина. Фрейд чихнул.

— Я приду завтра, — сказала Лена. — Посмотрю на неё.

— Приходите, — сказала Марина. — Кормить её не обязательно. Достаточно просто смотреть.

Лена кивнула, вышла. Дверь за ней закрылась с тем же скрипом, что и за Ниной. Вера выдохнула — она только сейчас поняла, что задержала дыхание.

— Хорошо ответили, — сказала Марина, не оборачиваясь. — Про мишку.

— Я не знала, что скажу. Само вышло.

— Так бывает. Иногда наблюдатель становится частью истории. Не бойтесь этого.

Фрейд открыл все три глаза, потянулся и перевернулся на другой бок.

Утром Вера проснулась в шесть. Тетрадь была на месте, ручка — рядом. Она записала сон, и на строчке про плюшевого мишку улыбнулась.

Мать услышала из кухни:

— Ты чего?

— Да так, — сказала Вера. — Сон смешной приснился. И грустный немножко.

Она не стала рассказывать про маленького червяка Олечку. Но подумала: «А ведь Лена придёт. Обязательно придёт. И будет смотреть на эту банку, пока не поймёт, что Олечка не стоит даже той жалости, которую она к себе испытывает. А потом позвонит дочке».

Вера посмотрела на пустые банки на полке. Четыре штуки. Все ещё без имён.

«Завтра, — сказала себе Вера. — Или послезавтра».

Такой-то чин, извольте видеть

Сон начался как обычно: подвал, опилки, запах овса. Но вместо тихой женщины в авоське или разодетой фурии в норке, дверь отворил человек, от которого, казалось, сама плесень на стенах должна была вытянуться во фронт. Вошёл он не спешно, но весомо. Лицо — гладкое, выбритое до синевы, глаза — мелкие, как изюм в недовыпеченной булке. Пальто на нём было такое, что если бы пальто умело подписывать приказы, то подписало бы вас под расстрел.

— Здравствуйте-с, — сказал он, оглядывая подвал так, будто собирался внести его в реестр муниципальной собственности, а потом незаметно списать. — Которая здесь дама-распорядительница?

Марина подняла голову от журнала учёта. Фрейд, обычно равнодушный ко всякой мелочи, вдруг сполз с подоконника и ушёл за стеллаж — кошки чувят нечистую силу, даже если эта сила носит драповое пальто и имеет три высших образования.

— Я, — сказала Марина. — Садитесь.

Человек сел, но не на стул, а как будто на трон. Стул под ним не скрипнул — побоялся. Вера, сидевшая в углу, заметила, что гость положил на колени портфель из чёрной кожи, потёртой на углах. Портфель был застёгнут на два замка, и на каждом висела маленькая пломба — для верности, что ли?

— Фамилия моя вам не нужна, — начал он. — Имя тоже. Но можете называть меня Константин Альбертович. Хотя это тоже не настоящее.

Вера отметила про себя: первый клиент, который представляется ненастоящим именем. Забавно. Но сегодня она чувствовала себя смелее после вчерашнего разговора с Леной. Решила, что если гость снова посмотрит на неё, она ответит. Не будет прятаться.

— Слушаю вас, Константин Альбертович, — сказала Марина. — Кого изволите назвать?

Константин Альбертович полез во внутренний карман пальто, достал сложенный вчетверо лист бумаги, развернул. Это оказалась служебная записка, украшенная гербом, исходящим номером и входящим — так много номеров, что Вера заподозрила, не бюллетень ли это для голосования. Записка пахла канцелярским клеем и чем-то ещё — может быть, страхом.

— Фамилия: Грязнов, — прочитал он. — Имя: Илья Петрович. Звание — начальник отдела перспективного планирования, что выше моего на одну позицию. Сиречь, непосредственный начальник.

— Вы хотите назвать червяком вашего начальника? — уточнила Марина.

— Упаси боже, — Константин Альбертович прижал руку к груди, на которой болтался невидимый орден. — Я хочу назвать червяком *должность*. А именно: «Начальник отдела перспективного планирования Грязнов Илья Петрович, со всеми заместителями и аппаратом, включая секретаршу Марфу Васильевну, которая неправильно подаёт кофе».

Марина помолчала. Взяла бланк сертификата, покрутила в пальцах.

— У нас по правилам разрешено только одно имя. Человека. Или подруги, или мужа. Не целого отдела с секретаршей.

— Но это несправедливо-с! — воскликнул Константин Альбертович. — Грязнов — он не один. Он есть система! Он генератор несправедливости! Я пишу отчёты, а он их подписывает и говорит: «Константин Альбертович, вы не туда поставили запятую». А Марфа Васильевна стоит за спиной и кивает. А на самом деле запятая стоит именно там, где надо, и даже в трёх экземплярах. Но он есть зло, а Марфа есть его орудие. Как червяка назвать Грязновым без Марфы? Он без неё как без правой руки. Дайте мне назвать всю эту курицу в полном составе!

Вера не выдержала. Она заговорила — тихо, но твёрдо:

— А вы пробовали поставить запятую не туда? Чтобы Грязнов сам запутался?

Константин Альбертович повернулся к ней. Его глаза-изюминки сузились.

— Вы кто, простите?

— Хронистка, — сказала Вера, вспомнив вчерашнюю подсказку Марины. — Записываю

истории. Но вопрос серьёзный: если вы боитесь его даже в мелочах, то червяк не поможет. Он же не съест Грязнова.

Чиновник замер. Потом вдруг усмехнулся — скрипуче, как несмазанная дверь.

— Запятая, говорите? А ведь идея. Одна запятая — и весь отчёт ложится на его стол с ошибкой. Он же псих, он не выносит ошибок. Потратит час, будет искать, где я украл отчётность.

Марина посмотрела на Веру с лёгким удивлением — одобрительным или нет, разобрать было трудно.

— Мы отвлеклись, — сказала Марина. — Максимум, я могу написать «Илья». Или «Грязнов». Но без отчества и без должности.

Константин Альбертович встал. Его лицо налилось тем особенным багрянцем, который у чиновников предшествует либо сердечному приступу, либо написанию жалобы в трёх вышестоящих инстанциях.

— Знаете что-с, — сказал он, повышая голос до прокураторных децибел. — А пойду-ка я к вашему вышестоящему руководству. Кто у вас тут над вами? Хозяин? Арендодатель? Санэпидемстанция? Есть у вас лицензия на наименование живых существ? Или вы тут мух с комарами в паспорта вписываете?

— Лицензии нет, — спокойно ответила Марина. — И хозяин один — вот этот кот.

Фрейд, услышав своё имя, высунул морду из-за стеллажа. Он сделал это специально медленно, как будто позировал для официального портрета. Средний глаз сверкнул жёлтым.

Константин Альбертович отшатнулся. Портфель чуть не упал с колен.

— Что за уродство? — прошептал он.

— Мутация, — сказала Марина. — В подвале бывает. Черви тоже иногда рождаются с тремя головами. Но мы таких не называем — это против правил.

Чиновник перекрестился. Вера чуть не рассмеялась вслух, но сдержалась — она ещё никогда не видела, чтобы взрослый человек крестился от трёхглазого кота.

— Ладно, — сказал он, понижая голос. — Пусть будет просто «Илья». Но с маленькой буквы? Можно с маленькой?

— Обычно мы пишем имена с большой, — ответила Марина.

— А если я хочу с маленькой? Как знак неуважения?

— Технически можем и с маленькой. Но тогда в сертификате будет примечание: «Имя записано по желанию заказчика в строчном регистре, что не является орфографической ошибкой фирмы». Вас устраивает?

Константин Альбертович задумался. Весь его вид говорил о том, что примечание его не устраивает — потому что в примечании есть слово «ошибка», а ошибки в документах он ненавидел больше, чем самого Грязнова. Но и согласиться на заглавную «И» значило признать, что Грязнов достоин уважения хотя бы в одной орфографической плоскости.

— Пишите с большой, — процедил он, как будто выдавливал зуб. — Но червяка выберите самого мерзкого. Чешуйчатого, склизкого, чтобы на Грязнова походил.

— Мучные черви не чешуйчатые, — сказала Марина. — Они гладкие. И они не склизкие, если не трогать их мокрыми руками.

— А если я их потрогаю мокрыми?

— Тогда они склизкие. Но трогать руками мы не рекомендуем. Используйте пинцет.

Константин Альбертович снова сел, вдруг обмякнув, как будто с него сняли мундир и ордена и оставили одного, без должностей и инстанций.

— Ладно, — сказал он устало. — Берите червя. Пишите «Илья». Сколько?

Марина назвала сумму. Чиновник отсчитал мелочь — странно, такой важный человек, а копейки пересчитывал — и положил на стол. Вера заметила, что у него дрожат руки. Не так, как у Нины — не от боли, а от давно копившегося бессилия.

Она выбрала червяка. Не самого мелкого, но и не гиганта. Самого обыкновенного, из той партии, что месяц сидела на капустных листьях. Пересадила в новый контейнер, написала на этикетке: «Илья». Без титулов, без примечаний, просто имя — как у миллионов других Иль, от пророка до слесаря.

— Могу я на него плюнуть? — спросил Константин Альбертович, глядя в контейнер.

— Нет. Фирма не позволяет порчу имущества.

— А если я плюну вне контейнера?

— Тогда вы заплатите штраф за уборку. Пятьсот рублей.

Чиновник вздохнул, достал платок, вытер лоб. Потом вдруг спросил:

— А другие клиенты приходят? Смотрят на своих червей?

— Приходят.

— И что они чувствуют?

— Облегчение. Или злость. Или скуку. Или всё вместе.

— А я почувствую?

Марина посмотрела на него долгим взглядом, от которого Фрейд не спрятался бы.

— Это зависит не от червя, — сказала она. — Это зависит от того, захотите ли вы однажды увидеть в этом «Илье» не начальника, а просто маленькое существо, которое живёт в опилках и ест овёс. И тогда вы перестанете приходить. Или продолжите — из уважения к самому существу, а не к его имени.

Константин Альбертович встал, одёрнул пальто. На лице его была написана такая сложная гамма чувств, что Вере показалось: сейчас он заплачет, начнёт кричать или вызовет такси в вышестоящую инстанцию. Но он только сказал:

— Я приду через неделю. Посмотрю.

И вышел, не попрощавшись.

Марина повернулась к Вере:

— Этот не простит. Он будет приходить до самой пенсии. И каждый раз будет смотреть на червя и писать жалобы.

— Откуда вы знаете? — спросила Вера.

— Такой тип, — сказала Марина. — Он не умеет не держать зла. Ему нужно не простить, а мстить. Но здесь мстить можно только взглядом. И этого ему будет достаточно.

— А вы не боитесь, что он напишет жалобу в санэпидемстанцию?

Марина усмехнулась.

— Во сне? Пусть пишет. Это его терапия.

Фрейд выполз из-за стеллажа, сел напротив банки «Илья» и чихнул. Чих был такой силы, что этикетка отклеилась одним углом. Марина прижала её обратно.

— Видишь? — сказала она коту. — Даже ты не уважаешь.

Кот отвернулся.

Утром Вера открыла глаза ровно в шесть. Некоторое время лежала, перебирая во сне: чиновник, контейнер, средний глаз кота. Потом взяла тетрадь и записала всё, до последней реплики. На полях приписала: «Интересно, существуют ли на самом деле такие люди?». И сама себе ответила: «Конечно, существуют. Они работают в отделах перспективного планирования. И пьют кофе, который Марфа Васильевна подаёт неправильно».

Она отложила тетрадь и вдруг поняла: после того как Константин Альбертович вышел, на душе остался какой-то невесомый осадок. Не сочувствие, нет. И не смех. А что-то вроде благодарности за то, что она, Вера, спит и видит этих людей, их обиды, их червяков, и не обязана работать в отделе перспективного планирования.

«Спасибо, сон», — сказала она мысленно. Кофе ещё не сварился, мать ещё не проснулась. Пустые банки на полке молчали.

Сегодня Вера не стала думать о том, чьё имя на ней напишет. Сегодня она думала о Грязнове Илье, который во сне, возможно, даже не знает, что теперь где-то в подвале ползает его тёзка и чиновник Константин Альбертович будет смотреть на него каждую неделю.

«Илья Петрович, — подумала Вера, — если вы существуете, держитесь. И запятые ставьте правильно, а то мало ли».

Ей стало чуть-чуть смешно и чуть-чуть грустно — как всегда по утрам после Гоголя. Она взяла пустую банку с полки, повертела в руках и поставила обратно.

Не сегодня.

Антракт. Дневник Веры наяву

Между третьей и четвёртой новеллами

Запись первая. Среда, 8:47 утра

Мать опять поставила компресс. Я сказала, что у меня не болит голова уже три месяца. Она сказала: «А вдруг?» Я дала себя укутать. Иногда проще согласиться, чем объяснять, что сотрясение прошло, а летаргия — это другое. Мать не понимает. Она думает, я просто плохо сплю.

За завтраком спросила: «Тебе не кажется, что ты слишком много пишешь? Вся в этих тетрадях. Может, выйти на работу?»

Я не ответила. Работа — это реабилитационный центр, пациенты, истории боли. Я и так их вижу каждую ночь. Только в центре я слушаю, а во сне — записываю.

Интересно, Нина существует на самом деле? Женщина в синем плаще с авоськой. Сегодня в очереди за хлебом я заметила похожую. Та же осанка — спина прямая, но плечи опущены. Я почти окликнула её по имени, но вовремя остановилась.

Сны не явь. Сны — это я.

Или не я?

Запись вторая. Пятница, 22:47 (за тринадцать минут до отключения)

Купила новую банку. В хозяйственном магазине на Каширском шоссе. Литр, с закручивающейся крышкой. Дома поставила на полку — там уже четыре штуки. Все пустые. Мать спросила, зачем мне столько. Сказала, для круп.

Она не поверила, но промолчала.

Интересно, я когда-нибудь напишу имя? Сергей? Или чьё-то другое? Вчера ночью, во сне (после Константина Альбертовича), я проснулась в три часа. Не по будильнику — сама. Это было впервые за полгода. Посмотрела на часы, полежала пять минут и снова заснула. Утром не помнила, что снилось дальше. Провал.

Наталья Аркадьевна сказала: «Это нормально. Мозг берёт паузу. Не пугайтесь».

Я не пугаюсь. Я просто думаю: а вдруг когда-нибудь я перестану видеть сны совсем? И что тогда останется?

Тетради?

Четыре пустые банки?

Запись третья. Воскресенье, 14:12

Была у Натальи Аркадьевны на приёме. Она прочитала три новеллы (я перепечатала для неё). Сказала: «Это хорошо. Это терапевтично. Вы не чувствуете, что сны становятся светлее?»

Я подумала. Нет, не светлее. Другие. С первая новелла — Нина, она плакала, но в конце перестала дрожать. Вторая — Лена, злая, смешная, маленький червячок Олечка. Третья — чиновник, почти анекдот. Может, мозг учится смеяться над болью?

— А вы сами? — спросила Наталья Аркадьевна. — Вы стали легче относиться к Сергею?

Я не ответила. Мы проговорили о другом: о матери, о возвращении на работу (она советует не торопиться), о том, что я почти не выхожу из дома. В конце она выписала новый рецепт. Тот же, что и в прошлый раз.

Дома я смотрела на пустые банки и думала: «Сергей тоже мог бы быть врачом. Нейрохирургом. Он бы тогда заинтересовался моими снами. Обследовал бы меня, прописал таблетки, а потом ушёл к аспирантке, потому что “ты, Вера, слишком сложная пациентка”».

Я не злюсь. Я просто констатирую.

Может, злость — это и есть констатация, только с моторчиком внутри?

Запись четвёртая. Вторник, 6:05 (пять минут после пробуждения)

Сегодня приснилось то, чего я не запишу. Не потому, что страшно. Потому что слишком личное.

Скажу только: во сне я пришла в подвал не как наблюдатель, а как клиент. Марина посмотрела на меня и сказала: «Наконец-то». Фрейд сидел перед пустой банкой. На полке было свободное место — между «Леонидом» и «Олечкой».

Я взяла ручку. Написала: «Сергей». И проснулась.

Банка во сне осталась на стеллаже. В реальности — все четыре по-прежнему пустые.

Но я чувствую себя странно. Будто только что сделала что-то, что нельзя отменить.

Наталья Аркадьевна говорила о «главной обиде». Может, это был первый шаг. Или последний. Не знаю.

За окном стучат сваи.

Мать занимается стряпнёй на кухне.

Я беру тетрадь и пишу эту запись, чтобы не забыть: во сне я это сделала. А наяву?

Ещё нет.

Сны Веры. Часть вторая

Червь для кота

Вера приготовилась к очередному сну с лёгким трепетом. После вчерашней записи в дневнике (той самой, где она назвала Сергея во сне, а потом засомневалась) ей хотелось чего-то лёгкого. Как зефира. Или как анекдота про Вовочку. И вселенная, видимо, услышала.

Подвал встретил её запахом опилок и новой деталью: на стене висела табличка «Клиентам, страдающим повышенной серьёзностью, рекомендуем сначала выпить чаю». Марина, похоже, обзавелась чувством юмора. Или Фрейд нашлёпал лапой.

Дверь распахнулась, и в неё влетела девушка. Не вошла, не вплыла — влетела, как пробка из шампанского, которое забыли в морозилке. На вид — двадцать пять, волосы выкрашены в розовый цвет, похожий на варенье из клубники, если бы варенье умело светиться в темноте. На ногах — кроссовки с подсветкой. Серьёзно, с подсветкой. Они мигали красным и синим, как полицейская мигалка на дискотеке.

— Привет! — сказала девушка. — Это вы червяков называете? Дайте два, нет, лучше три! У меня столько врагов, что на всех червей не хватит.

Марина подняла бровь. Фрейд приоткрыл один глаз (обычный, левый) и тут же закрыл — видимо, розовый цвет для кота был слишком ярок в такую рань.

— Здравствуйте. Присаживайтесь. Сначала расскажите про одного, самого главного врага.

Девушка плюхнулась на стул, закинула ногу на ногу. Кроссовки замигали в такт её нервному покачиванию. Вера заметила, что на футболке у гостьи напечатана надпись: «Я не сплю, я коплю обиды». Футболка была явно новая — складки от упаковки ещё не разгладились.

— Меня зовут Кристина. А врага зовут... — она сделала паузу, как на вручении Оскара, — Аркадий.

— Аркадий? — переспросила Марина. — Чем же Аркадий вас так обидел?

— Он мой кот.

Наступила тишина. Вера, сидевшая в углу, подавилась воздухом. Марина положила ручку. Фрейд открыл уже оба обычных глаза — такой поворот заинтересовал даже его.

— Простите, что?

— Кот, — повторила Кристина. — Аркадий — это кот. Британский голубой. Я его назвала в честь дедушки, потому что он такой же важный и любит лежать на диване. Но вчера он сожрал мой паспорт.

— Паспорт?

— Загранпаспорт! Я собиралась в Турцию через три недели. А он его нашёл на столе, прокусил обложку и выгрыз страницу с фотографией. Не всю, но уголок с моим ухом. И теперь во всех заграницах будут думать, что я без уха!

Марина медленно кивнула. Вера видела, как у неё дёрнулся уголок рта — первый признак того, что Марина борется с желанием расхохотаться. Фрейд чихнул — то ли от пылицы, то ли от смеха.

— И вы хотите назвать мучного червя именем вашего кота?

— Да! Пусть Аркадий узнает, каково это — быть маленьким, беззащитным и жить в банке. Я тоже беззащитная без загранпаспорта!

— Кот не узнает, — мягко сказала Марина. — Он кот.

— Но я узнаю! Я буду приходить, смотреть на червяка и думать: «Вот ты, Аркадий, ползаешь в опилках, а мог бы спать на диване и есть свой корм Royal Canin». Это будет моя маленькая месть.

Марина взяла бланк, но не стала писать. Вместо этого она спросила:

— А где сейчас ваш загранпаспорт?

— Лежит в ящике. Я уже подала на восстановление, но это же две недели! И фото новые делать! И моя причёска уже не та — я покрасилась в розовый, а на старом фото была брюнеткой.

— То есть проблема решаема?

— Решаема, — на секунду Кристина сникла. — Но обида-то осталась. Понимаете, я ему доверяла. Мы спали в одной постели. Я его кормила лососем. А он — предательство. Сожрал мой паспорт, даже не поморщился.

— Коты не морщатся, когда едят бумагу, — заметила Марина. — Это у них норма.

— Вы на чьей стороне? — возмутилась Кристина. — Я к вам за мекстью пришла, а вы защищаете этого пушистого гада!

Марина вздохнула, встала, подошла к стеллажу. Выбрала самый маленький контейнер, какой был — пол-литра, прозрачный, с дырочками для воздуха. По пути погладила Фрейда по голове — кот замурлыкал, демонстративно громко, чтобы все слышали.

— Хорошо, — сказала она. — Я назову червя Аркадием. Но с одним условием.

— Каким?

— Вы будете приходить сюда не каждый день, а раз в неделю. И каждый раз, когда будете кормить червя, вы будете класть в контейнер одну конфету.

— Зачем?

— Потому что черви не едят конфеты, — сказала Марина с совершенно серьёзным лицом. — Конфета будет лежать рядом с червяком. И вы будете смотреть на неё и думать: «Это моя злость. Она такая же липкая и бесполезная, как эта ириска». А когда конфет накопится семь, вы их выбросите. И вместе с ними — часть обиды.

Кристина задумалась. Кроссовки перестали мигать — видимо, села батарейка.

— А можно я буду приносить не конфеты, а корм для кота? Чтобы червяк смотрел на корм и завидовал, что ему не дают?

— Можно и корм, — согласилась Марина. — Но корм для котов черви тоже не едят. Они вегетарианцы.

— Вот видите! — обрадовалась Кристина. — Аркадий любит мясо, а червяк — нет. Уже разница!

Вера не выдержала и вступила в разговор:

— А вы пробовали поговорить с котом? Объяснить ему, что паспорт — это важно?

Кристина посмотрела на неё с искренним недоумением.

— Вы серьёзно? Он же кот. Он не говорит по-человечески.

— Но вы же обижаетесь на него по-человечески, — сказала Вера. — Может, он съел паспорт, потому что вы мало времени с ним проводили? Коты ревнуют.

Кристина замерла. Потом перевела взгляд на Марину. Та пожала плечами — мол, хронистка иногда умные вещи говорит.

— Ладно, — сказала Кристина уже тише. — Я подумаю. Но червяка всё равно назовите. На всякий случай.

Марина пинцетом выбрала червяка. Надо отдать ей должное — он был полноват, солидный, как настоящий британский кот в мире насекомых. Пересадила в контейнер, написала на этикетке: «Аркадий».

— Получите, — сказала она, протягивая контейнер Кристине. Но тут же отёрнула руку. — Ах да, вы же не можете забрать его домой. Он будет жить здесь.

Кристина расстроилась:

— А если я хочу показывать его друзьям? Сказать: «Смотрите, это Аркадий, который испортил мне жизнь»?

— Приводите друзей сюда. У нас есть специальные часы посещения — вторник и четверг с пяти до семи. Кофе и печенье бесплатно.

— А скидку дадите?

— Скидку дадим, если вы через месяц скажете, что простили кота.

— А если не прощу?

— Тогда скидки не будет, но червяк останется. И будет жить долго и счастливо. В конце концов, он не виноват, что его назвали в честь преступника.

Кристина заплатила, взяла сертификат (на котором красовалась надпись: «Поздравляем! Вы стали владельцем мучного червя Аркадия. Ваш питомец не умеет грызть паспорта»), и вышла, весело цокая подсветкой. На пороге она обернулась к Вере:

— Спасибо за совет про кота. Может, и правда поговорю с ним. Только сначала куплю новый

паспорт.

И исчезла.

Марина повернулась к Вере:

— А ты молодец. Не ожидала, что ты заговоришь с клиенткой.

— Она сама спросила, — сказала Вера. — И потом, вы же сказали: «иногда наблюдатель становится частью истории».

— Сказала. Но не думала, что так быстро.

Фрейд подошёл к банке «Аркадий», обнюхал её, потом демонстративно отвернулся и начал вылизывать средний глаз. Марина погладила его по спине.

— Не завидуй, — сказала она коту. — Будешь хорошо себя вести, назовём червяка в твою честь.

Фрейд обиженно зашипел.

Вера проснулась в шесть утра и долго смеялась. Мать прибежала из кухни:

— Что с тобой?

— Кот, мама, кот сожрал паспорт.

Мать не поняла, но, видя, что дочь смеётся впервые за долгое время, улыбнулась и пошла доваривать борщ.

Вера взяла тетрадь и записала новеллу. В самом конце приписала: «Аркадий — лучший кот в мире, даже если он живёт в банке и ест овёс».

А потом посмотрела на пустые банки на полке. Четыре штуки. Все ещё без имён.

«Имя для Сергея?» — подумала она.

И снова засмеялась. Впервые за полгода смех не был горьким.

На кухне мать тёрла свёклу на зажарку к борщу. За окном стучали свай. Вера взяла одну пустую банку, повертела в руках и поставила на стол — отдельно от остальных.

«Завтра, — подумала она. — Или сегодня во сне».

Червь, который ждал

Вера проснулась в подвале — нет, она уже не путала, она просто оказалась здесь, как будто и не уходила. Фрейд сидел на подоконнике, умывался тремя языками (по числу глаз) и делал вид, что не замечает новую клиентку. А клиентка уже была тут. Сидела на стуле, положив руки на колени, и ждала.

Её звали Анной. Ей было под семьдесят, но глаза остались молодыми — удивлёнными, ясными, почти детскими. На ней было старое, но чистое пальто, от которого пахло нафталином и

уходящей осенью. Вера заметила, что пальто заштопано на локтях — аккуратно, ниткой в тон, но штопка видна, если присмотреться.

— Здравствуйте, — сказала Марина. — Вы по делу?

— Да, — ответила Анна. — Мне нужен червяк.

— Для кого?

— Для мужа. Который умер.

Марина отложила ручку. Даже Вера, привыкшая ко всему, удивилась. Фрейд перестал умываться и уставился на Анну средним глазом.

— Для умершего? — переспросила Марина. — У нас обычно называют живых. Тех, кто обидел.

— А мой обидел, — спокойно сказала Анна. — Только он уже десять лет как умер. И я не могу его простить. Понимаете?

Марина помолчала. Вера видела, как она переглянулась с Фрейдом — кот чуть заметно кивнул. Потом Марина сказала:

— Мы не называем червей абстракциями. Только имена людей. Это правило.

Анна не заплакала, не стала спорить. Она просто посмотрела на Марину тем взглядом, который бывает у людей, переживших всех, кто мог бы их утешить.

— А если я хочу назвать не его имя, а его последние слова? — тихо спросила Анна. — Это не абстракция. Это голос, который звучит у меня в голове каждую ночь уже десять лет.

Марина задумалась. Потом встала, подошла к стеллажу, взяла пустой контейнер. Вернулась, поставила на стол.

— Рассказывайте, — сказала она. — Если я пойму, что это не каприз, а необходимость — я сделаю исключение. Один раз.

Анна поставила стакан на стол, посмотрела в сторону стеллажей, где в банках жили чужие обиды — Андреи, Светланы, Леониды, Ильи, новенький Аркадий. Вздохнула.

— Мы прожили сорок лет. Он был хорошим человеком. Работал на заводе, дом построил, сына вырастил. А потом заболел. Рак. Три года я за ним ходила, как за ребёнком. И в последний год он стал злым. Очень злым. Кричал, что я его отравила, что я хочу его денег, что у меня любовник. Я всё терпела — думала, болезнь говорит. А он однажды сказал: «Ты никогда не была мне женой. Ты была сиделкой. И плохой сиделкой».

Анна замолчала. Вера видела, как её пальцы, сухие, с тёмными прожилками, легли на стол одна на другую. На безымянном пальце — тонкая полоска от кольца, которого уже нет.

— Он умер в тот же вечер. Сказал это и умер. Я не успела ответить. Не успела сказать, что любила его, даже когда он кричал. Не успела попрощаться.

— И теперь вы злитесь на мёртвого? — тихо спросила Марина.

— Я злюсь на себя, — ответила Анна. — За то, что не ответила. За то, что помню последние

слова, а не первые. Он говорил мне «солнышко» тридцать лет. А я помню только «плохая сиделка». Вот что я хочу назвать червяком. Не его. Это. Это слово, которое застряло во мне.

Марина взяла пинцет, повертела в пальцах. Потом отложила.

— Хорошо, — сказала она. — Я сделаю исключение. Но с условием: вы придёте сюда три раза. Первый раз — чтобы назвать. Второй — через месяц. Третий — когда почувствуете, что готовы переименовать. Не раньше.

— А если я не захочу переименовывать?

— Значит, вы так и не простили себя. Тогда червяк останется с этой надписью навсегда. И вы будете приходить и смотреть на неё, пока не поймёте, что «плохая сиделка» — это не вы. Это была боль. Его боль, которую он не умел сказать иначе.

Анна заплакала. Тихо, не вытирая слёз. Вера протянула ей платок — тот самый, который всегда лежал в кармане её халата, даже во сне. Анна взяла, вытерла глаза.

— Как вы хотите назвать? — спросила Марина.

— «Плохая сиделка». Два слова. Потому что это два слова, которые меня мучают.

Марина кивнула. Выбрала червя — среднего, спокойного, такого, который не торопится жить. Пересадила в контейнер, написала на этикетке чётко, с заглавной буквы: «Плохая сиделка». Поставила на стеллаж, на самое видное место — между «Леонидом» и «Ильёй».

— Теперь, — сказала Марина, — вы будете приходить и смотреть на него. Кормить. Сначала вы будете ненавидеть эту надпись. Потом — привыкнете. А потом однажды вы поймёте, что это просто два слова на пластике, а внутри — червяк, который не умеет ни любить, ни ненавидеть. И тогда вы захотите переименовать его.

— Во что?

— Например, в «Помню». Или в «Прощаю». Или в «Солнышко».

Анна посмотрела на банку. Потом перевела взгляд на Веру.

— А вы как думаете? — спросила она. — Стоит оно того?

Вера не ожидала вопроса. Но ответила — тихо, но твёрдо:

— Стоит. Моя бабушка говорила: «Нельзя умирать с чужими словами во рту». Ваш муж сказал то, чего не думал. А вы слушаете его уже десять лет. Пора выключить.

Анна улыбнулась — в первый раз за этот разговор. Улыбка была робкая, как у девочки, которую похвалили на уроке.

— Спасибо, — сказала она. — Я приду через месяц.

— Мы будем ждать, — сказала Марина.

Анна встала, надела пальто. Посмотрела на банку «Плохая сиделка» ещё раз, потом на Фрейда. Кот открыл все три глаза и мурлыкнул — одобрительно, как показалось Вере.

— Хороший у вас кот, — сказала Анна. — Мудрый.

— Он просто старый, — ответила Марина. — Мудрость приходит с возрастом. И с тремя глазами.

Анна вышла. Дверь закрылась. Марина повернулась к Вере:

— А ты сегодня разговорчивая. Сначала Кристине совет про кота, теперь Анне про бабушку.

— Это правильно? — спросила Вера. — Я не должна вмешиваться?

— Должна, — сказала Марина. — Ты не просто наблюдатель. Ты — та, кто записывает. А записывать можно только то, что понимаешь. Если ты начала понимать — говори. Только не перебивай меня, когда я веду клиента. Договорились?

— Договорились.

Фрейд спрыгнул с подоконника, подошёл к банке «Плохая сиделка», сел рядом. Закрыв все три глаза и замурлыкал. В подвале стало тихо, тепло и чуть-чуть грустно — как в детстве перед сном, когда мама уже пожелала спокойной ночи, а ты ещё не уснул и слышишь, как за стеной шуршит жизнь.

Утром Вера проснулась и долго не могла открыть глаза. Чудилось: банка «Плохая сиделка» стоит у неё в комнате, на полке, среди пустых контейнеров. Но когда открыла — нет, только четыре пустых и одна тетрадь.

Она написала новеллу, потом выпила кофе, потом позвонила Наталье Аркадьевне.

— Доктор, у меня вопрос. А можно назвать червяка не именем человека, а словом?

В трубке помолчали. Потом психиатр сказала:

— Во сне — можно. В реальности — подумайте, зачем вам это.

— Подумаю, — сказала Вера.

Она посмотрела на пустую банку. Взяла ручку. Написала на клейкой бумажке: «Неудачница» — слово, которое сказала бывшая подруга Алина на корпоративе. Прилепила к банке. Посмотрела. Потом отлепила и смяла.

— Нет, — сказала она вслух. — Не сегодня.

Мать заглянула в комнату:

— Ты с кем разговариваешь?

— С собой.

— Это нормально?

— Для меня — да.

Мать покачала головой, ушла заниматься кухонными делами. Вера осталась смотреть на чистую банку.

«Солнышко, — подумала она. — Может, когда-нибудь».

За окном стучали сваи.

Червь для самого себя

Вера проснулась в подвале, но что-то было не так. Она сидела не на своём обычном стуле у стены, а напротив Марины. На столе, там, где клиенты оставляли авоськи и сумочки, лежала пустая банка. Её банка. Та самая, которую она купила в хозяйственном на Каширском шоссе. Литр, с закручивающейся крышкой.

— Ты пришла как клиентка, — сказала Марина. Не спросила, утвердила.

— Я не знала, — ответила Вера. — Я просто проснулась здесь. Как всегда.

— Бывает, — сказала Марина. — Фрейд, подвинься.

Кот сидел на столе, прямо перед банкой, и смотрел на Веру всеми тремя глазами. Обычно он смотрел куда-то мимо, в стену, в опилки, в вечность. Сейчас — прямо в неё. Вера поёжилась.

— Я не готова, — сказала она.

— Ты не обязана быть готовой, — ответила Марина. — Ты пришла. Значит, где-то внутри готова. Рассказывай.

— Рассказывать нечего. Я не знаю, чьё имя писать.

— Знаешь. Просто боишься.

Вера посмотрела на пустую банку. На этикетке ещё не было надписи. Чистая, прозрачная, с парой царапин на пластике. Она вдруг почувствовала, как у неё задрожали пальцы — так же, как у Нины в первой новелле. И поняла, что это не страх. Это усталость. Усталость от того, что она уже полгода спит и видит чужие обиды, а свою носит с собой, как тот самый компресс, который мать греет каждое утро.

— Сергей, — сказала она вслух. Имя вышло глухим, без интонации.

— Сергей, — повторила Марина. — Кто он?

— Бывший муж.

— Чем обидел?

— Ушёл. К другой. Когда я лежала в больнице после аварии. Сказал по телефону: «Ты всё равно постоянно спишь». И всё.

Марина не стала спрашивать, хочет ли Вера отомстить или забыть. Она просто взяла пинцет, подошла к коробке с червями, долго выбирала. Вернулась с червяком — не маленьким, не большим, обычным. Пересадила в банку. Написала на этикетке: «Сергей».

— Готово, — сказала Марина. — Теперь ты клиентка.

Вера смотрела на банку. Червь медленно зарывался в опилки. На этикетке буквы сползали вниз — рука у Марины чуть дрожала, или это казалось.

— И что теперь? — спросила Вера.

— Теперь ты будешь приходить. Кормить. Смотреть. Платить. Как все.

— А я могу забрать банку домой?

— Нет. Это правило.

— Я знаю. Просто спросила.

Вера встала. Взяла со стола сертификат, который Марина уже заполнила. Прочитала: «Вы официально стали владельцем мучного червя Сергей. Ваш питомец пожизненно застрахован. Питание и уход включены». Улыбнулась — криво, как у Лены, когда та смотрела на Олечку.

— Спасибо, — сказала Вера. — Я пойду.

— Просыпайся, — сказала Марина.

Вера проснулась. Было ровно шесть утра. Она лежала, смотрела в потолок и чувствовала, как в груди что-то отпускает. Не всё, не до конца. Но маленькая защёлка отодвинулась.

Она села, взяла тетрадь и записала сон. Потом посмотрела на полку — пустые банки. Четыре штуки. Она взяла одну, поставила на стол. Взяла ручку, клейкую бумажку.

Написала: «Сергей».

Прилепила к банке.

Поставила обратно на полку, отдельно от остальных.

Мать заглянула в комнату:

— Ты чего не спишь? Шесть утра только.

— Выспалась, мама.

Мать удивилась, но ушла.

Вера осталась сидеть, глядя на банку с надписью. Червь внутри не шевелился — его там не было. Но теперь он был там, в подвале сна. И это было не страшно. Это было правильно.

Антракт. Визит Веры к издателю

После новеллы шестой

Она откладывала этот визит три недели. Тетради лежали в рюкзаке — три штуки, в клетку, исписанные от корки до корки. Вера перечитывала их на ночь, иногда зачёркивала, иногда дописывала на полях: «здесь слишком грустно», «этот клиент приснился после маминого компресса».

Наталья Аркадьевна дала телефон и имя: Оксана Борисовна, редактор издательства «Текст в темноте». Маленькое, почти частное, но с репутацией: брали странное, неформатное, то, от чего отказывались большие.

Вера позвонила в четверг. Ей назначили на понедельник, в двенадцать.

Офис издательства находился на пятом этаже старого дома на Покровке. Лифт не работал, на лестнице пахло капустой и кошачьей мятой. Вера поднялась, отдышалась у двери с табличкой, напечатанной на обычной бумаге и приклеенной скотчем.

Внутри оказалась большая комната с высокими потолками, книгами на подоконниках и одним компьютером, который громко гудел, как холодильник. За столом сидела женщина лет сорока в очках без оправы и в свитере с оленем — хотя на календаре был март.

— Вера? — Она встала, протянула руку. — Оксана. Очень рада. Проходите, садитесь. Чай? Кофе? У нас тут лавандовый раф, если хотите.

— Чёрный чай, без сахара, — сказала Вера.

Оксана кивнула, скрылась в подсобке, загремела кружками. Вера огляделась. На стенах висели обложки книг — странные, с полустёртыми названиями: «Сны оранжевого цвета», «Тишина за левым ухом», «Человек, который не плакал». Всё — малотиражки, незнакомые имена.

— Вот, — Оксана поставила перед Верой кружку с трещиной на носике. — Я уже прочитала несколько ваших тетрадей. Наталья Аркадьевна дала копии. Вы не против?

— Нет.

— Это потрясающе, — сказала Оксана, садясь. — Я не знаю, как это работает — сны, летаргия, всё такое. Но текст живой. Чужие обиды, черви, хозяйка подвала — это очень... по-нашему. Вы разрешите показать коллегам?

— Разрешаю, — сказала Вера. Она почувствовала, как дрожит кружка в её руках, и поставила на стол.

— Только один вопрос, — Оксана наклонилась. — Это правда? Я имею в виду, вы действительно видите эти сны каждую ночь?

— Правда.

— И черви?

— Мучные. В банках. И трёхглазый кот.

Оксана улыбнулась, широко, по-детски.

— Это замечательно. Мы хотим издать это. Небольшим тиражом, но красиво. С иллюстрациями. У нас есть художница, она рисует сны — вы ей понравитесь.

Вера молчала. Она думала о том, что сейчас нужно спросить про Сергея — Наталья Аркадьевна советовала, но Вера отмахивалась. А сейчас почему-то захотелось.

— Оксана Борисовна, а вы... вы не знаете случайно Сергея? Он недоучился на нейрохирурга. Работал потом в Склифе кем-то вроде пресс-атташе.

— Сергея? — Оксана задумалась. — Был у нас в издательстве один Сергей, подрабатывал корректором, как фрилансер. Он уволился, уехал в Краснодар. Женится там, на девушке из аспирантуры.

Вера почувствовала, как холодок пробежал по спине. Краснодар. Аспирантка. Точно.

— У него всё хорошо? — спросила она. Спокойно, как о погоде.

— Насколько я знаю, да. Он счастлив. Ребёнок недавно родился. А вы его знаете?

— Знаю, — сказала Вера. — Бывший муж.

Оксана не стала делать круглые глаза и охать. Она просто кивнула.

— Я поняла. Не хотите включить это в книгу? Как авторское послесловие? Или эпилог.

— Нет, — сказала Вера. — Не хочу.

— Как скажете.

Они проговорили ещё час — про тираж, про аванс, про то, что Вера будет подписывать договор как «Спящая». Настоящее имя нигде не появится. Оксана обещала прислать проект договора на почту.

Вера спустилась по лестнице, вышла на Покровку. Шёл мелкий дождь, не то мартовский, не то апрельский. Она надела капюшон, достала телефон. Увидела сообщение от матери: «Суп на плите. Компресс грею».

Улыбнулась. Написала: «Еду, мама. Компресс сегодня не надо».

И пошла к метро. За спиной остались тетради — три штуки, в клетку, с историями чужих обид. Впереди был сон. И она очень надеялась, чтобы он был весёлым.

Сны Веры. Часть третья

Червь-дублёр

Вера проснулась в подвале и сразу поняла: сегодня будет что-то странное. Фрейд сидел не на подоконнике, а на столе, перед Мариной, и держал в зубах конфету в зелёном фантике. Марина не обращала на кота никакого внимания — она изучала новенькую этикетку, которую кто-то приклеил к стеллажу криво, с пузырями.

Дверь открылась, и вошла девушка. Обычная: джинсы, свитер, пучок на макушке. Ни шубки, ни авоськи, ни портфеля с пломбами. Вера расслабилась — наверное, спокойная история.

— Здравствуйте, — сказала девушка. — Меня зовут Катя. Я хочу назвать червяка.

— Присаживайтесь, — ответила Марина. — Кого?

— Катю.

— Катю? — переспросила Марина. Вера насторожилась. Фрейд выплюнул конфету и приоткрыл средний глаз.

— Да. Катю. Меня. То есть себя.

Марина отложила ручку.

— Простите, я не совсем поняла. Вы хотите назвать мучного червя своим именем?

— Именно, — Катя кивнула с видом профессора, объясняющего теорему Ферма. — Я считаю, что главный враг в моей жизни — это я сама. Вчера я пролила кофе на клавиатуру. Позавчера забыла выключить утюг, и пришлось вызывать МЧС. А на прошлой неделе я ответила начальнице в мессенджере «Ладно, мам» — и теперь она думает, что у меня проблемы с идентификацией.

— Это всё обиды? — уточнила Марина.

— Это верхушка айсберга! — Катя вскочила. — Я хожу на свидания и рассказываю анекдот, который никто не понимает. Я покупаю йогурты с истекшим сроком, потому что мне лень читать этикетки. Я назвала кота Гитлером — и теперь ветеринарная клиника отказывается его обслуживать.

— Кота Гитлером? — Вера не удержалась.

— Это длинная история. Он белый и с чёрной полоской под носом. Ну, похож. Но суть не в этом. Я устала быть собой. Поэтому хочу назвать червяка Катей, а сама буду ходить и смотреть на него. И думать: «Вот ты, Катя, ползаешь в опилках, а я — настоящая Катя — буду есть нормальные йогурты и не позориться на свиданиях».

Марина молчала несколько секунд. Потом сказала:

— У нас не было прецедентов, когда клиент называл червяка своим именем. Но правилами не запрещено. Только один нюанс.

— Какой?

— На этикетке придётся написать не «Катя», а «Катя-2». Потому что вы уже есть. А червяк — дублёр. Юридически это считается разными именами.

Катя засияла:

— «Катя-2»! Это гениально! Пусть будет дублёр. Он будет делать все мои ошибки за меня. Я приду и скажу ему: «Смотри, Катя-2, это ты пролила кофе. Это ты забыла выключить утюг. А я теперь свободна».

— Это не работает, — мягко сказала Марина. — Червь не может совершать ошибки вместо вас. Он просто лежит в опилках и ест овёс.

— Но я же буду знать, что он есть! — Катя села обратно, но всё ещё вибрировала от энтузиазма. — Это будет моя маленькая ширма. Мне будет легче перекладывать вину на червяка. Постепенно я научусь себя не ненавидеть.

Марина вздохнула, пошла к коробке с червями. Выбрала самого нервного — который извивался быстрее остальных. Пересадила в контейнер, написала на этикетке: «Катя-2».

— Готово. Заплатите пятьсот рублей. И приходите раз в неделю. Кормить не обязательно, но можно.

Катя высыпала мелочь на стол — пятаки, десятирублёвки, одну купюру в сто рублей с надорванным краем. Марина собрала, не считая.

— Спасибо! — Катя схватила сертификат. — Вы даже не представляете, как я облегчилась. Теперь я могу спокойно жить.

Она вышла, пританцовывая. Вера смотрела ей вслед, потом перевела взгляд на банку «Катя-2».

— Она вернётся? — спросила Вера.

— Через две недели, — сказала Марина. — С жалобой, что червяк ничего не делает. Я предложу ей сменить имя на «Катя-3». Она согласится. Потом на «Катя-4». И так до бесконечности.

— Это терапия?

— Это маркетинг, — ответила Марина. — Она сама себя не вылечит, пока не перестанет придумывать себе дублёров. Но деньги платит исправно. Фрейд, не ешь конфету, она зелёная, у тебя будет аллергия.

Кот обиженно спрятал конфету под стол.

Утром Вера проснулась, записала новеллу и полчаса смеялась над фразой «Катя-2, это ты пролила кофе». На кухне мать грела компресс, но сегодня Вера его не сняла — пусть греет. В конце концов, это тоже маленький ритуал.

Она посмотрела на полку. Банка с надписью «Сергей» стояла отдельно. Теперь к ней присоединилась воображаемая банка «Катя-2». Там, в подвале снов, становилось всё веселее.

Рыцарь с пакетом

Вера появилась в подвале и сразу поняла: сегодня Марина в ударе. Она надела вместо обычного свитера красную блузку с бантом — причудливый контраст с банками червей и запахом опилок. Фрейд сидел с видом кота, которого покрасили в розовый — то есть крайне оскорблённым.

— Хорошо выглядите, — сказала Вера. — Свидание?

— Встреча с инвестором, — буркнула Марина. — Пришёл какой-то чудак, говорит, что хочет вложить деньги в расширение. Я решила произвести впечатление.

Дверь распахнулась, и инвестор вошёл.

Он был молод, лет тридцать, в очках с толстыми стёклами и в футболке с надписью «git push —force». На плечах у него висел плащ — не обычный, а тёмно-синий, с вышитым драконом. Но

самое странное: под плащом виднелась кольчуга. Настоящая, металлическая, с мелкими колечками. Она позвякивала при каждом шаге.

— Здравствуйте, — сказал инвестор. — Меня зовут Дима. Я системный администратор и рыцарь в свободное время.

Марина моргнула.

— Рыцарь?

— Да. Состою в клубе исторической реконструкции. Орден Пылающего Клинка. У нас есть свой сайт и группа в телеграме.

— Присаживайтесь, — сказала Марина. — Так вы хотите инвестировать в «Дачу имён»?

— И да, и нет, — Дима сел, кольчуга жалобно скрипнула. — Сначала я хочу назвать червяка. Потом, если услуга мне понравится, вложу деньги в развитие мобильного приложения.

— В мобильное приложение для червей?

— Для клиентов. Чтобы они могли кормить своих червей удалённо, через камеру. И получать уведомления: «Ваш червяк Вася пошевелился». Или «Ваш червяк Вася съел овёс». Это будет прорыв на рынке ритуальных услуг.

Вера подавилась воздухом. Марина сохраняла каменное лицо.

— Начнём с червяка, — сказала она. — Кого хотите назвать?

— «Нуб», — с гордостью произнёс Дима. — Это игровой термин. Обозначает новичка, который всё делает неправильно. У меня есть коллега, Коля. Он перезагружает сервер в рабочие часы, кладёт базу данных и говорит: «А я думал, всё сохранится». Я хочу назвать червяка Нубом. И каждый раз, когда буду на него смотреть, вспоминать Колю и радоваться, что я не такой.

— А Коля обидится? — спросила Марина.

— Коля не узнает. Я ему не скажу. И вообще, это имя не личное, а нарицательное. Это как назвать червяка «Косорукий» или «Чайник». Разрешается?

Марина задумалась. Фрейд открыл средний глаз, посмотрел на Диму, потом на Марину, потом снова закрыл — ситуация его не касалась.

— Мы не называли червей игровыми терминами, — сказала Марина. — Но правилами не запрещено, если это не прямое оскорбление конкретного человека. «Нуб» — оскорбление? Да. Конкретного человека? Нет. Поэтому разрешаю.

— Ура! — Дима чуть не подпрыгнул. Кольчуга загремела. — Тогда ещё одно условие: я хочу, чтобы червяк был самый мелкий, потому что нуб должен быть маленьким и ничтожным.

Марина вздохнула, пошла к коробке. Выбрала червяка-лилипута, меньше всех остальных. Пересадила в контейнер. Написала на этикетке: «Нуб».

— Получите. Приходите раз в неделю. Кормите овсом. И не надо мобильного приложения, у меня нет смартфона.

Дима удивился:

— Как нет смартфона? Айфон? Андроид?

— Телефон с кнопками, — сказала Марина. — Мне достаточно.

Дима побледнел, как будто услышал о существовании дисководов. Он открыл рот, потом закрыл, потом вытащил из кармана джинсов пять тысяч рублей и положил на стол.

— Деньги на расширение потом. Сначала — чек за червяка. Я приду через три дня с бизнес-планом.

Он взял сертификат, на котором было напечатано: «Поздравляем! Вы стали владельцем мучного червя Нуб. Ваш питомец не умеет перезагружать серверы» — и вышел, звеня кольчугой.

Вера повернулась к Марине:

— Он действительно придёт с бизнес-планом?

— Придёт, — сказала Марина. — Но я его отправлю в банк. У меня нет времени на мобильные приложения. Я червей кормлю.

Фрейд наконец открыл глаза, подошёл к банке «Нуб», обнюхал её и чихнул — одобрительно или презрительно, понять было невозможно.

Утром Вера проснулась, записала новеллу и посмотрела на свою полку. Банка «Сергей» стояла отдельно. К ней во сне добавились «Катя-2» и «Нуб».

— Мама, — позвала Вера. — Ты когда-нибудь играла в компьютерные игры?

Мать удивилась:

— В пасьянс. А что?

— Ничего. Просто один рыцарь назвал червяка Нубом.

Мать не стала уточнять. Она поставила компресс и ушла.

Вера улыбнулась. Впереди были новые сны — ещё более абсурдные.

Послесловие от Марины:

— Рыцарь вернулся через три дня с презентацией на тридцать слайдов. Я не стала её смотреть, но Фрейду понравились картинки. Он уронил на неё кружку с чаем. Рыцарь ушёл, звеня. Больше мы его не видели, но червяк Нуб жив до сих пор.

— А где он сейчас?

— Съеден муравьями. В прошлом месяце. Но мы не убиваем червей — так что это естественная смерть.

Фрейд вылизывал усы.

Кошка Милашка

Вере приснилось, что в подвале пахнет не опилками, а чем-то резким — валерианой. Фрейд сидел на верхней полке стеллажа и оттуда шипел на дверь, как будто за ней прятался его злейший враг. Марина крутила в руках пульверизатор с водой — новое оружие массового поражения.

— Что случилось? — спросила Вера.

— Сейчас увидишь, — мрачно ответила Марина.

Дверь открылась. На пороге стояла женщина лет тридцати в спортивном костюме с надписью «#Мамавшоке». За ней, на поводке, шла персидская кошка. Не шла — плыла, как облако меха на лапах. Кошка была плоская, приплюснутая, с лицом, выражающим глубочайшее презрение ко всему существу.

— Здравствуйте! — сказала женщина бодро. — Я Люба. А это Милашка. Она у меня принцесса. Мы хотим назвать червяка.

— Здравствуйте, Люба, — сказала Марина, не выпуская пульверизатора. — Кого назовём?

— Олечку.

— Олечку? — переспросила Вера. — Это имя уже занято. У нас есть банка «Олечка» — бывшая подруга одной клиентки.

— Тем лучше! — Люба усадила кошку на стул. Милашка немедленно начала вылизывать лапу, игнорируя всех. — Эта Олечка — моя соседка. Она залила меня в прошлом месяце. Не нарочно, но обидно. А её кошка, Мурка, дерется с моей Милашкой. Каждый день ор стоит на весь подъезд. Я хочу, чтобы Милашка сама выбрала червяка.

Марина замерла.

— Кошка?

— Да. Я хочу, чтобы Милашка лапой указала на банку. Как в шоу талантов. И мы назовём червяка Олечкой — соседкой. Это будет символическая месть.

Фрейд на полке зашипел громче. Милашка подняла голову, посмотрела на кота, перевела взгляд на контейнеры. Фрейд был трёхглазый, но персидскую кошку этим не проймёшь — она выглядела так, будто сама съела муху с тремя глазами и не подавилась.

— Это необычный запрос, — сказала Марина. — Но, в принципе, животные не запрещены. Если кошка выберет — оформим.

— Ура! — Люба поставила Милашку на пол. — Иди, детка, выбирай свою жертву.

Милашка села и начала умываться. Потом медленно, с достоинством фараона, пошла вдоль стеллажей. Прошла мимо «Андрея», «Светланы», «Леонида». Остановилась у банки «Илья»,

понюхала, чихнула — и пошла дальше. Прошла мимо «Олечки» (той самой, от Лены), мимо «Аркадия», мимо «Нуба». Потом вдруг развернулась, подошла к банке с этикеткой «Плохая сиделка» и села рядом.

— Нет, — сказала Марина. — Это не соседка. Это другая история.

Милашка упрямо положила лапу на банку.

— Она выбрала! — захлопала Люба. — Значит, червяк будет Плохой сиделкой?

— Нет, — твёрдо повторила Марина. — Это имя занято. Клиентка Анна, обида на мужа. Переименование через месяц. Нельзя.

Милашка взглянула на Марину с таким видом, будто та была мухой, которую можно проглотить. Потом медленно перешла к банке «Катя-2». Понюхала. Поставила лапу.

— Катя-2? — удивилась Люба. — Это кто?

— Клиентка, которая назвала червяка своим дублёром, — объяснила Марина. — Очень сложная история.

— Нам не подходит, — Люба покачала головой. — Милашка, ищи дальше.

Кошка вздохнула (это было слышно), дошла до пустого места на стеллаже и села. Указала лапой на пол.

— Там нет банки, — сказала Вера.

— Значит, нужна новая, — заявила Люба. — Мы хотим назвать червяка «Мурка». В честь кошки соседки.

Марина посмотрела на Фрейда. Кот спустился с полки, подошёл к Милашке, обнюхал её. Та подняла голову. Две секунды они смотрели друг на друга. Потом Фрейд кивнул — однозначно, по-человечески кивнул.

— Хорошо, — сказала Марина. — «Мурка» так «Мурка».

Она взяла новый контейнер, выбрала самого жирного червяка (как дань уважения кошачьим инстинктам), написала на этикетке: «Мурка». Поставила на то место, куда указала Милашка.

— Готово. Заплатите двести рублей — за кошачью консультацию отдельно.

Люба вынула из кармана кошель, отсчитала деньги. Милашка снова села и начала умываться, довольная собой.

— А можно Милашка будет приходить кормить червяка? — спросила Люба.

— Животные не допускаются, — строго сказала Марина. — Только клиенты-люди. Фрейд — исключение, потому что он работник.

Кот гордо выпрямился.

Люба ушла, волоча на поводке персидскую тушу. Милашка обернулась в дверях, посмотрела на Фрейда и, как показалось Вере, подмигнула. Средним глазом — своим собственным.

Вера проснулась. На полке, в комнате, стояла банка «Сергей». И во сне теперь добавилась «Мурка» — кошачье имя для кошачьей мести.

Вера позвонила Наталье Аркадьевне:

— Доктор, у меня вопрос. А могут животные выбирать червей во сне?

— В вашем сне — могут всё, — ответила психиатр. — Вы завтракали?

— Нет ещё.

— Позавтракайте. И запишите этого кота. Читатели будут в восторге.

Вера записала. И засмеялась.

Эпилог. Лавочка у подъезда

Дом на Каширском шоссе был старый, панельный, с вечно неработающим лифтом и лавочкой у подъезда, которую местные бабушки отвоевали у дворников ещё в девяностые. Лавочка стояла под клёном, в тени, с видом на детскую площадку и парковку. Здесь обсуждали всё: кто куда переезжает, у кого какая пенсия, и почему у Зинаиды из тридцать седьмой квартиры такая несносная дочка.

В этот вторник собрались трое: тётя Галя с третьего этажа (бывшая бухгалтерша, знала всех по именам и отчествам), баба Шура с пятого (глуховата, но хитра, как лиса) и мама Веры — Ирина Петровна, которую соседки по-простому звали Ира.

— Ира, давно тебя не видно, — сказала тётя Галя, поправляя платок. — Ты всё сидишь с Верой своей? Как она?

— Да так, — Ира вздохнула. — Спит много. И пишет. Врачи говорят — лечится так.

— Лечится снами? — баба Шура наклонилась, хотя всё равно плохо слышала. — Это что ж, болезнь такая?

— Не болезнь. Травма. После аварии. Нервная система перестроилась.

— А Сергей-то, муж её бывший, приходит? — спросила тётя Галя. Она знала всё про всех: кто с кем развёлся, кто кому должен, кто кого бросил.

— Нет, — коротко ответила Ира. — Не приходил ни разу. Уехал в Краснодар, женился, ребёнка завёл.

— Счастлив, значит, — констатировала баба Шура. — А Вера? Она как?

— Вера, — Ира помолчала, подбирая слова, — Вера теперь книгу пишет. Ну, не книгу, а сборник рассказов. Ей издатель предложил. Про сны.

Тётя Галя оживилась:

— А что за сны? Про любовь?

— Про червей, — сказала Ира.

На лавочке повисла тишина. Потом баба Шура спросила:

— В смысле — про червей? Дождевых?

— Мучных. Их в банках держат и называют именами обидчиков. А потом ухаживают. И фирма такая во сне — «Дача имён».

Тётя Галя перекрестилась. Баба Шура задумчиво почесала кота, который тёрся о её ноги.

— Ну, у кого что в голове, — сказала она наконец. — Мой бывший, царствие ему небесное, тоже был тот ещё червяк. Но я его именем называть бы не стала. Разве что таракана.

— А вот у нас в квартире номер сорок пять, — тётя Галя перешла на шёпот, — там девушка живёт, Катя. Она своего кота назвала Аркадием. А кот сожрал её загранпаспорт. Представляете?

Ира вздрогнула. Она узнала сюжет из Веркиной тетради.

— Это сон, — сказала она. — Вере такой приснился. Кот Аркадий и паспорт.

— Да ну? — тётя Галя удивилась. — А Катя рассказывала всем в очереди в ветаптеку. Думаешь, соврала?

— Я не знаю, — честно сказала Ира. — Вера пишет сны. А в реальности, может, и правда есть какая-то Катя. Или придуманная. Я не разбираюсь.

Баба Шура достала из кармана платок, высморкалась.

— Сны — это одно, — сказала она. — А жизнь — другое. Вот у меня внучка каждый раз рассказывает, что ей снится, будто она летает. А в реальности она боится высоты. Так сны — они для того, чтобы человек бояться перестал. Может, Вера твоя тоже боится чего-то? И червяками этими... ну, избавляется.

— Может быть, — тихо сказала Ира. — Она только недавно банку подписала. Написала «Сергей» и поставила на полку.

— Банку? — переспросила тётя Галя. — Обычную банку?

— Да. Пустую. Без червяка. Червяк-то во сне, а банка наяву.

— Странная у вас Вера, — заключила баба Шура. Но тут же смягчилась: — Хотя все мы странные, если разобраться. Я вот вчера плюнула через левое плечо, потому что чёрная кошка дорогу перебежала. А кошка та — соседская, Мурка. Она каждый день перебегает. И ничего.

— Мурка? — встрепенулась Ира. — А у Веры во сне сегодня была кошка Милашка, которая червяка выбирала. И назвали «Мурка». В честь другой кошки.

— Ну, это уже совпадения, — сказала тётя Галя. — Или не совпадения. Кто их разберёт.

Лавочка замолчала. Клён шумел листьями. Вдалеке детвора гоняла мяч. Ира смотрела на своё окно — пятый этаж, занавески дёрнулись. Вера проснулась.

— Ладно, пойду я, — Ира встала. — Ей там кофе варить.

— А мы-то сидим, — вздохнула тётя Галя. — Хорошо посидели.

— Ты это, — баба Шура тронула Иру за рукав. — Ты Верке своей скажи: пусть про меня напишет. Только без червей. Я хочу быть принцессой.

— Скажу, — улыбнулась Ира. — Обязательно скажу.

Она ушла в подъезд. Лавочка осталась с бабой Шурой и тётей Галей. Кот, которого никто так и не представил, зевнул и перевернулся на другой бок.

— У неё дочка-то, говорят, писательницей станет, — сказала тётя Галя, когда дверь закрылась.

— Дай бог, — ответила баба Шура. — Лишь бы без червей. Не люблю я червей.

— А кто их любит?

Они посидели ещё немного, помолчали, потом разошлись по домам. Вера наверху пила кофе и не знала, что её сны уже обсуждают на лавочке у подъезда. И что некоторые из этих снов, кажется, перетекают в реальность. Или наоборот.

Но это уже другая история.

Конец